

оригинальная статья УДК 159.99

Взаимодействие с реальностью в проблематике трансформаций жизненного пути личности

Екатерина С. Фоминых $^{a, @, ID}$

- а Оренбургский государственный педагогический университет, 460014, Россия, г. Оренбург, ул. Советская, 19
- [@] fominyh.yekaterina@yandex.ru

Поступила в редакцию 28.04.2019. Принята к печати 04.06.2019.

Аннотация: Настоящее исследование нацелено на выявление взаимосвязи между спецификой взаимодействия личности с реальностью и трансформациями ее жизненного пути. Анализ и синтез отечественных и зарубежных теоретических концепций позволил выделить два ключевых аспекта взаимодействия с реальностью, обусловливающих конструктивный и деструктивный векторы жизненных трансформаций. Установлено, что развитие личности и конструктивные изменения ее жизненного пути связаны с преобразованием, перестроением реальности на основе селективного, избирательного, свободного выбора, баланса открытости / закрытости и включенности / дистанцирования. Следствием данного вза-имодействия является расширение возможностей и адаптационных ресурсов личности, ее усложнение как системы. Ситуации нарушения психологической безопасности и субъективного комфорта личностной системы, угрозы Я личности детерминируют искажение взаимодействия с реальностью посредством активизации психологических защитных механизмов. Дисфункциональность и дефицитарность психологических защитных механизмов определяют консервацию сложившейся жизненной ситуации, стагнацию личности либо регресс и распад. Раскрывается роль социокультурных факторов в процессе возникновения искаженного восприятия и взаимодействия с реальностью. Полученные результаты и выводы являются основой для разработки организационно-содержательных основ психолого-педагогического сопровождения процесса проектирования жизненного пути личности.

Ключевые слова: искажение реальности, развитие, регресс, распад, стагнация, конструктивные изменения, деструктивные изменения

Для цитирования: Фоминых Е. С. Взаимодействие с реальностью в проблематике трансформаций жизненного пути личности // Вестник Кемеровского государственного университета. 2019. Т. 21. № 2. С. 451–458. DOI: https://doi. org/10.21603/2078-8975-2019-21-2-451-458

Введение

Обязательным контекстом развития личности является непрерывное взаимодействие с окружающей реальностью, что подчеркивается многочисленными отечественными и зарубежными исследователями (Л. С. Выготский, Дж. Келли, Г. Бейтсон, У. Джеймс, Э. Минковски и др.). В процессе этого взаимодействия реальность интерпретируется, отражается, копируется, порождается, завершается, искажается. Однако какие аспекты взаимодействия являются основой для подлинного развития личности и ее психического здоровья, а какие выступают предиктором личностных деформаций, регрессивных и стагнирующих тенденций? Какие механизмы обеспечивают конструктивную либо деструктивную реализацию возможностей личности в пространстве и времени жизни? В рамках настоящей статьи систематизируем существующие научные воззрения относительно рассматриваемого вопроса.

В концепциях периодизации развития личности (3. Фрейд, Дж. Лёвинджер, В. Шутс, А. В. Петровский, Э. Эриксон и др.) подчеркивается ключевая роль ранних этапов развития в формировании специфики взаимодействия с внешней реальностью, что обусловлено последовательным решением проблем присоединения, сепарации, обретения автономии и преодоления зависимости. Важной составляющей данных процессов является ощущение психологической безопасности, необходимое для исследования внешней реальности и выделения своего Я. В данный период закладываются открытость и готовность к взаимодействию, паттерны восприятия жизненного опыта, система отношений (к другим, миру и своему Я). Незавершенность одной из фаз или фиксация на ней могут определять инфантильную психологическую организацию и примитивные отношения индивида и его окружения (3. Фрейд) [1]. В модели личностно-социального развития Э. Эриксона [2] незавершенность одной из фаз,

 $^{^{\}rm ID}\, \rm https://orcid.org/0000-0003-3733-4381$

выбор негативного полюса решения кризиса предопределяют проблемы первичной зависимости, сепарации, идентификации. Как правило, личность усваивает ограниченный репертуар действий, ее активность направляется на поддержание ригидного постоянства среды и совершенствование средств защиты от мира [3].

Нарушение взаимодействия с реальностью – результат социокультурной ситуации развития личности, приспособление к которой детерминирует выработку специфической жизненной позиции и соответствующих программ поведения. В качестве иллюстрации можно привести ряд зарубежных и отечественных теорий и концепций [4–19]:

- теория выученной беспомощности М. Селигмана: опыт неконтролируемости событий приводит к специфике восприятия реальности, отказу от трансформации отношений с ней;
- концепция поисковой активности В. С. Ротенберга и В. В. Аршавского: дефицит или отказ от поиска постоянных изменений, пассивно-оборонительная позиция в безнадежных ситуациях искажают отношения с реальностью, обусловливая деструктивные последствия для личности;
- теория двойной связки Г. Бейтсона: доминирование матери в сочетании с эмоциональным отвержением ребенка приводит к своеобразному (шизоидному) способу восприятия и контакта с реальностью;
- достаточно хорошая мать (Д. Винникотт): изоляция и дефицит материнского внимания – предиктор беспомощности, неэффективности, трудностей выстраивания аутентичных отношений с реальностью;
- «механизм патологизирующего семейного наследования»: фиксация и реализация деструктивных и десоциализирующих способов взаимодействия с реальностью, наблюдающаяся в дисфункциональных семьях (Э. Г. Эйдемиллер, В. Юстицкис);
- «отсутствующие психические структуры» X. Кохута: патологические нарциссические состояния являются следствием аффективного рассогласования в диаде мать – ребенок;
- базисный дефект (М. Балинт) как результат диссонанса между психобиологическими потребностями ребенка и качеством отношений с первичным объектом (внимание, психологическая забота): деструктивен по своим последствиям, дефицит и непостоянство взаимодействия с внешним окружением, избыточная тревожность, ригидность, избыточная стимуляция, безразличие;
- способы защиты от базовой тревоги, формирующейся в патогенных условиях: движение к людям – подчинение, против людей – борьба, от людей – бегство (К. Хорни);

- концепция онтологической неуверенности Р. Лэйнга, в фокусе которой происходит формирование ложного Я, опосредующего контакты с внешней с реальностью и собственным Я;
- пограничная личностная структура (Е. Т. Соколова,
  В. В. Николаева), формирующаяся в патогенных семейных условиях и определяющая психологическую зависимость, недифференцированность;
- экстремальный, кризисный опыт (Э. Ш. Магомед-Эминов); деструктивные последствия психотравмирующих событий – когнитивные схемы, базисные убеждения личности (Н. В. Тарабрина, И. С. Хажуев); межпоколенная трансмиссия травматичного опыта (Н. С. Бурлакова);
- давление группы, которая препятствует проявлять самостоятельность, способность к независимым суждениям, их замена на общепринятые стандарты (А. Маслоу);
- концепции сценария жизни (Э. Берн, Г. С. Абрамова, В. Н. Дружинин, Ф. Е. Василюк и др.): формирование и фиксация устойчивых, жестких, неосознаваемых жизненных программ, определяющих специфику взаимодействия с реальностью, восприятие себя и окружающего мира на протяжении всего жизненного пути [20].

Представленные данные подчеркивают значение социальных факторов в формировании личностных характеристик и свойств, определяющих специфику взаимодействия с реальностью, конструктивность / деструктивность трансформаций жизненного пути.

Взаимодействие с реальностью в контексте конструктивных трансформаций жизненного пути

Интерпретирование реальности осуществляется личностью непрерывно и определенным образом, что детерминировано необходимостью оптимальной адаптации к окружающей среде. Дж. Келли [21] считает, что интерпретация осуществляется на основе системы личностных конструктов биполярных измерений смыслов, которые применяются по отношению к окружающему миру (накладываются на мир) для понимания и объяснения жизненной ситуации и осмысленного предвосхищения события. Конструктивные системы находятся в процессе непрерывных изменений и всегда направлены в будущее, поэтому успешные интерпретации закрепляются, а неудачные отбрасываются. Еще одним условием полноценной жизни и развития личности является внесение вариативности: наличие альтернатив, из которых выбирается одна, способствующая расширению возможностей и большей определенности системы.

У. Джеймс [22] отмечал, что в процессе взаимодействия с реальностью проявляется избирательность сознания – непрекращающаяся способность отбирать, принимать или игнорировать, отвергать. Сознание нужно не просто для копирования реальности, а для ее завершения: в процессе сравнения возможностей одной прибавляется значимость, отфильтровывается содержание и создается более выразительная форма. Отсутствие селективного отбора является хаосом. Соответствующий выбор осуществляется на основе внимания и привычек. Выбор на основе внимания и избирательного интереса позволяет расставить акценты и создать перспективу; выбор на основе привычек (автоматических неосознаваемых действиях), с одной стороны, делает действие более легким, с другой – мешает узнавать новое и осознавать действительность.

Ограничение и избирательное взаимодействие с реальностью подчеркивает Λ . С. Выготский, указывая, что психика – это «орган отбора, решето, процеживающее мир и изменяющее его так, чтобы можно было действовать» [23, с. 347]. Ее значение определяется возможностью необъективного отражения реальности, а субъективного искажения в пользу личности. Данная идея получила дальнейшее развитие в современных исследованиях [24]. В частности, закон ограничения взаимодействия [25], согласно которому условием взаимодействия личности и среды является заинтересованность, избирательность, селективность и свобода выбора, а результатом – усложнение системы, позволяющее выстраивать качественно новое взаимодействие с окружающей средой.

Субъектный подход в отечественной психологии (А. В. Брушлинский) делает акцент на преобразовании окружающей реальности, исключающей реализацию запрограммированных стратегий взаимодействия. Субъектность является системообразующим свойством, основой для формирования сложной многоуровневой системы психической организации, осуществляющей активное, избирательное и опережающее отражение реальности. Ключевые концепты данного подхода созвучны с положениями, рассмотренными в данном разделе: реализация поведения в соответствии с внутренними диспозициями; способность самостоятельного управления собственной жизнью; постоянное расширение жизненного пространства; интенциональность выборов, меняющая мир и конфигурацию личностных характеристик и свойств [26].

Регуляцию гармоничных отношений с реальностью обеспечивают взаимосвязанные и непрерывно взаимодействующие фундаментальные принципы жизни (Э. Минковски): синтония – жизнь в единстве с окружающим миром, шизоидия – способность дистанцироваться от окружающего. Это не механическое взаимодействие (соприкосновение

и захваченность), а проживаемая одновременность (взаимопроникновение, постоянный внутренний обмен без смешения и слияния). Совершенная гармония с окружающим обеспечивает жизненный контакт с реальностью: направляет в будущее, но одновременно препятствует поглощению будущим, сохраняет границы и обеспечивает взаимодействие, свободное проживание и развертывание жизни. Акцентирование одного из принципов в жизни личности – признак нарушений психического здоровья и социальной дисфункциональности [27].

О. В. Лукьянов [28] отмечает, что личность интегрирует трансцендирующие и трансгрессирующие тенденции, в связи с чем взаимодействие с реальностью объединяет процессы открывания миру и открытости миру. Изменчивость современной реальности, находящая выражение в объединении эволюционных, революционных и регенеративных линий, является важным эмерджентным свойством психологической системы, поскольку обусловливает детерминацию, самодетерминацию и самотрансценденцию личности.

Проблема взаимодействия с реальностью находит отражение в контексте анализа проблем развития и функционирования психологических границ личности / границ Я как сложного защитно-адаптивного феномена (С. К. Нартова-Бочавер [29]; О. А. Шамшикова, Е. О. Шамшикова [30]; Т. С. Леви [31]; И. А. Шаповал, Е. С. Фоминых [32] и др.). Открытость / закрытость системы по отношению к внешней реальности, регулируемая состоянием границ, анализируется в работах М. Ю. Кондратьева и В. А. Ильина [33]. Открытая система включает подвижные взаимосвязанные компоненты, а гибкость и проницаемость границы позволяет осуществлять непрерывный обмен с внешней реальностью, поддерживая ее целостность при одновременной интеграции новых составляющих. Закрытые системы работают в направлении постоянной защиты от внешних воздействий в целях поддержания статичного, ригидного, неизменного состояния, консервации и стагнации ее составляющих. А. Н. Демин [26, с. 106] рассматривает феномен границы преобразовательной активности, который возникает в ситуации встречи субъекта с угрозами и вызовами реальности и обусловливает специфику взаимодействия с ней: зависимость или преобразование на основе активных действий.

Целесообразно обратить внимание на результаты исследований, рассматривающих возможность оптимального, конструктивного взаимодействия с реальностью в ситуации стресса, фрустрации, психотравмы (Н. В. Тарабрина, М. Ш. Магомед-Эминов, Р. Лазарус, С. Фолкман и др.). Установлено, что конструктивная активность личности в подобных ситуациях позволяет выстраивать реалистичное, гибкое, осознаваемое взаимодействие с реальностью, понимать, принимать и интегрировать вытекающие

ограничения, расширяя возможности и перспективы [3; 26]. Психологически здоровую и полноценно функционирующую личность отличает способность не фиксироваться на травматичных событиях прошлого и не отрицать их.

Таким образом, конструктивное направление трансформаций жизненного пути личности обеспечивается непрерывным и активным взаимодействием с реальностью на основе селективного, избирательного, свободного выбора, баланса открытости / закрытости и включенности / дистанцирования. В ходе данного взаимодействия реальность преобразуется и усложняется, что детерминирует расширение адаптационных возможностей и перспектив личности, показателей ее социально-психологического функционирования, субъективного благополучия. В противоположном случае возникает необходимость искажения взаимодействия с реальностью.

Взаимодействие с реальностью в контексте деструктивных трансформаций жизненного пути

Большой пласт отечественных и зарубежных концепций рассматривают проблему искажения реальности в ситуации угрозы Я личности и необходимости его защиты от тревоги и поддержания психологической безопасности личности (А. Фрейд, А. Маслоу, К. Хорни, Ф. Е. Василюк и др.). Данную функцию осуществляют конструкты, обеспечивающие необходимый уровень готовности и активизации в ситуации реальной или воображаемой угрозы.

Защитные механизмы — ригидные автоматические, вынужденные, непроизвольные и неосознаваемые процессы, направленные на сохранение комфорта психологической системы, действующие без учета принципа реальности, целостности ситуации и долговременной перспективы. Защитные механизмы предохраняют сознание от нежелательных и болезненных содержаний, устраняют тревогу и напряженность; избавляют от рассогласованности побуждений и амбивалентности чувств; поддерживают гармонию, целостность [19]. Психически здоровый человек ощущает себя в относительной психологической безопасности, поэтому не нуждается в защите Я посредством искажения отношений с реальностью.

В концепции А. Фрейд [34] искажения реальности анализируются в контексте работы защитных механизмов, снижающих или предохраняющих от внешнего и внутреннего напряжения. Действие невротических защит базируется на искажении реальности: избегании, исключении, переопределении, расщеплении, переориентации, уходу от нее и приданию противоположного знака. Деструктивны для психики чрезмерность и сбой защит: чрезмерность – ограничивает функциональные способности личности,

подавляя эго, уменьшая силу, гибкость и приспособляемость; сбой – способствует проникновению тревоги.

А. Маслоу [15] рассматривает внутренние «защиты эго», создающие определенные деформации в психике: искажающие представления об образах внешнего мира и самих себе. Список защит, сформированный в психоаналитических концепциях, расширяется за счет включения десакрализации и комплекса Ионы. При десакрализации психическая жизнь обедняется за счет отказа от серьезного и заинтересованного отношения к жизни. Комплекс Ионы отражает отказ индивида от реализации своих способностей и возможностей в виду опасений за последствия (страх величия). Оба варианта объединяют стремление личности сознательно минимизировать включенность в процесс жизни, ее возможные изменения. Страх потерять налаженное, привычное бытие и контроль над имеющимся – основная причина «консервации» реальности.

Цели защиты от нежелательных и болезненных содержаний, согласно исследованиям Ф. Е. Василюка [19], достигаются ценой объективной дезинтеграции личности, уступок, регрессии, самообмана, невроза. Автор выделяет следующие типы отношения к реальности: отрицание, искажение, сокрытие от себя реальности, бегство от нее, самообман. Оптимальным вариантом для здоровья, развития и совершенствования личности является совладание – ориентация на признание и принятие реальности, активное исследование реальной ситуации.

Г. С. Салливан [35] выделяет действия, обеспечивающие безопасность личности и защищающие ее от чувства неуверенности и тревоги: диссоциацию (стремления и потребности, которые человек не хочет допускать в сознание; «замораживание» переживаний, угрожающих безопасности) и селективное игнорирование (отказ заменять вещи и явления, которые человек не хочет замечать). Они искажают восприятие действительности, в связи с чем являются препятствием здорового психического развития.

Согласно Дж. Келли [21] источником тревоги является все, что сужает диапазон психологического комфорта конструктивной системы – сохранять ощущение целостности и идентичности. При конструировании себя и окружающего как неизменного, возможности дальнейшего роста сужаются, т. к. чрезмерная определенность исключает возможность креативного подхода или альтернативных результатов. Автор говорит о жертвах собственной интерпретации. В данном случае человек организует свою жизнь в соответствии со строго установленными и неизменными «рамочными» убеждениями, которые жестко ограничены опытом и контекстом, и не могут ни соответствовать реальности, ни отражать ее.

Представители когнитивного подхода выделяют способности, позволяющие фильтровать и прикреплять соответствующие ярлыки к внешним стимулам, искажая реальность. А. Бек [36] описывает паттерны восприятия и мышления, которые интенсифицируют неадекватные чувства и модели поведения - это негативные и саморазрушительные автоматические мыслительные процессы и восприятия, которые искажают восприятие реальности (себя и своей жизненной ситуации), детерминируя эмоциональные расстройства. Рационально-эмотивная терапия А. Эллиса [37] акцентирует значение иррациональных представлений в возникновении нежелательных эмоций и моделей поведения. Выделяются следующие типы искажений: мышление по принципу «все или ничего»; сверхобобщение (единичное негативное событие как факт систематических проблем); ментальный фильтр (фиксация на одной негативной детали, пока весь опыт не предстает в негативном свете); умаление позитивного (субъективная значимость негативных представлений); неправомерные заключения (формулирование негативных выводов при отсутствии подтверждающих их фактов); преувеличение (значимости событий или преуменьшение их важности); эмотивные рассуждения (негативные эмоции – отражение объективных аспектов реальности); призывы «надо» (психологическое самопринуждение); навешивание ярлыков и ошибочные ярлыки; персонализация (причины внешнего события приписываются себе, хотя в действительности ответственность человек не несет) [38].

В целом искажение реальности необходимо для защиты личности от тревоги и поддержания ее психологической безопасности. В большинстве случаев это приводит к консервации сложившейся жизненной ситуации, стагнации личности, а в случае дисфункциональности или дефицитарности личностных конструктов – регрессу и распаду. Специфические устойчивые механизмы искажения реальности встраиваются в психологическую систему, матрицу индивидуального хронотопа личности. При этом ограничивается возможность активного и аутентичного преобразования реальности, замещаясь ригидным неконструктивным способом реагирования, проявлением зависимости от ситуации и внешних условий, дезадаптивными и виктимизирующими стратегиями,

которые ограничивают активное включение личности в жизнь, возможность творческого управления ею и конструктивных реакций в ситуациях неопределенности [39].

Заключение

Проведенное нами теоретическое исследование позволяет сформулировать ряд выводов и наметить ориентиры дальнейших исследований в данной области.

- 1. В основе конструктивного направления трансформаций жизненного пути личности находится преобразование и усложнение внешней реальности. Данный тип взаимодействия обеспечивается непрерывностью и активностью усилий личности, селективным, избирательным, свободным, интенциональным выбором, балансом включенности / дистанцирования и открытости / закрытости для обмена информацией и энергией. Результатом данного взаимодействия является формирование, фиксация и актуализация качественно новых параметров функционирования личностной системы, расширение адаптационных возможностей и перспектив, показателей социально-психологического функционирования, субъективного благополучия.
- 2. Искажение реальности необходимый аспект приспособления к ситуации, который связан с необходимостью поддержания психологической безопасности и комфорта личности. Данный аспект взаимодействия с реальностью включает два возможных деструктивных направления трансформаций жизненного пути: стагнацию поддержание постоянства и стабильности окружающего, консервацию сложившейся жизненной ситуации; регресс и распад. Оба варианта сужают спектр активных действий личности в направлении преобразования реальности, замещаясь ограниченным кругом автоматических ригидных способов реагирования, повышающих показатели виктимизации, дезадаптации и десоциализации.
- 3. Полученные в исследовании результаты не претендуют на полноту отражения заявленной проблемы, в связи с чем могут быть дополнены и расширены. Перспективой дальнейших разработок в данной области является разработка и апробация модели психолого-педагогического сопровождения процесса проектирования жизненного пути личности.

Литература

- 1. Фрейд 3. Введение в психоанализ. М.: АСТ, 2018. 608 с.
- 2. Элкинд Д. Эрик Эриксон и восемь стадий человеческой жизни. М.: Когито-центр, 1996. 16 с.
- 3. Малкина-Пых И. Г. Виктимология. Психология поведения жертвы. М.: Эксмо, 2010. 864 с.
- 4. Ротенберг В. С., Аршавский В. В. Поисковная активность и адаптация. М.: Наука, 1984. 193 с.
- 5. Бейтсон Г. Экология разума: Избранные статьи по антропологии, психиатрии и эпистемологии. М.: Смысл, 2000. 476 с.
- 6. Winnicott D. The Theory of the Parent-Infant Relationship // International Journal of Psychoanalysis. 1960. № 41. P. 585–595.
- 7. Эйдемиллер Э. Г., Юстицкис В. В. Психология и психотерапия семьи. СПб.: Питер, 2010. 672 с.

- 8. Кохут X. Анализ самости: Систематический подход к лечению нарциссических нарушений личности. М.: Когитоцентр, 2003. 308 с.
- 9. Хорни К. Невротическая личность нашего времени; Самоанализ. М.: Прогресс Универс, 1993. 478 с.
- 10. Коптева Н. В. Отчуждение как альтернатива онтологической уверенности // Мир науки, культуры, образования. 2017. № 4. С. 229–233.
- 11. Соколова Е. Т., Николаева В. Н. Особенности личности при пограничных расстройствах и соматических заболеваниях. М.: SvR-Apryc, 1995. 352 с.
- 12. Магомед-Эминов М. Ш. Феномен посттравматического роста // Вестник Тюменского государственного университета. 2009. № 3. С. 111–117.
- 13. Тарабрина Н. В., Хажуев И. С. Посттравматический стресс и защитно-совладающее поведение у населения, проживающего в условиях длительной чрезвычайной ситуации // Экспериментальная психология. 2015. Т. 8. № 3. С. 215–226.
- 14. Бурлакова Н. С. Психодинамика передачи травматического опыта от поколения к поколению в контексте культурно-исторической клинической психологии // Психологические исследования: электронный научный журнал. 2016. Т. 9. № 45. С. 11.
- 15. Маслоу А. Мотивация и личность. СПб.: Питер, 2008. 352 с.
- 16. Берн Э. Трансактный анализ в психотерапии: Системная индивидуальная и социальная психиатрия. М.: Академический Проект: Гаудеамус, 2013. 311 с.
- 17. Абрамова Г. С. Практическая психология. М.: Прометей, 2018. 538 с.
- 18. Дружинин В. Н. Варианты жизни. СПб.: Питер, 2010. 156 с.
- 19. Василюк Ф. Е. Психология переживания. М.: МГУ, 1984. 240 с.
- 20. Альперович В. Д. Метафоры в жизненных сценариях личности // Общество: социология, психология, педагогика. 2016. № 7. С. 30–35.
- 21. Келли Дж. Теория личности (теория личных конструктов). СПб.: Речь, 2000. 249 с.
- 22. James W. The principles of psychology. N.Y.: Dover, 1950. 916 p.
- 23. Выготский Λ . С. Развитие высших психических функций. М.: Изд-во Акад. пед. наук, 1960. 500 с.
- 24. Михальский А. В. Психология конструирования будущего. М.: МПГУ, 2014. 289 с.
- 25. Клочко В. Е. Самоорганизация в психологических системах: проблемы становления ментального пространства личности (введение в трансспективный анализ). Томск: ТГУ, 2005. 174 с.
- 26. Субъектный подход в психологии / под ред. А. Л. Журавлева, В. В. Знакова, З. И. Рябикиной, Е. А. Сергиенко. М.: ИП РАН, 2009. $619 \, \mathrm{c}$.
- 27. Власова О. В. Феноменологическая психиатрия и экзистенциальный анализ: история, мыслители, проблемы. М.: Территория будущего, 2010. 640 с.
- $28. \ \ \Lambda y кьянов \ O. \ B. \ Проблема \ становления \ идентичности \ в \ эпоху \ социальных \ изменений. \ Томск: \ Изд-во \ Том. \ ун-та, 2008. \ 212 \ c.$
- 29. Нартова-Бочавер С. К. Человек суверенный: психологическое исследование субъекта в его бытии. СПб.: Питер, 2008. 400 с.
- 30. Шамшикова О. А., Шамшикова Е. О. Нарциссические проявления личности как образующие континуума переходных форм существования «границ я» // Мир науки, культуры, образования. 2009. Т. 19. № 7. С. 265–270.
- 31. Леви Т. С. Методика диагностики психологической границы личности // Вопросы психологии. 2013. № 1. С. 131–146.
- 32. Шаповал И. А., Фоминых Е. С. Самоотношение как феноменологическое поле диагностики психологических границ личности и ее здоровья // Клиническая и специальная психология. 2018. Т. 7. № 1. С. 13–27. DOI:10.17759/ cpse.2018070102
- 33. Кондратьев М. Ю., Ильин В. А. К вопросу о психологической границе в контексте социально-психологического феномена закрытости // Мир психологии. 2009. № 1. С. 158–165.
- 34. Freude A. The Ego and the Mechanisms of Defence. London: The Hogarth Press, 1937. 196 p.
- 35. Салливан Г. С. Интерперсональная теория в психиатрии. М.: КСП+, 1999. 347 с.
- 36. Бек А., Фримен А. Когнитивная терапия расстройств личности. СПб.: Питер, 2019. 448 с.
- 37. Эллис А., Драйден У. Практика рационально-эмоциональной поведенческой терапии. СПб.: Речь, 2002. 352 с.
- 38. Фрейджер Р., Фейдимен Д. Личность. Теории, упражнения, эксперименты. СПб.: Прайм-Еврознак, 2006. 704 с.

39. Фоминых Е. С., Шаповал И. А. Трансформации хронотопа и границ личности как диспозиции деструктивности выбора: между возможностью и закономерностью // Психология и психотехника. 2017. № 4. С. 23–36. DOI: 10.7256/2454-0722.2017.4.24486

Interaction with Reality in the Problems of Transformation of the Life Path of the Individual

Ekaterina S. Fominykh a, @, ID

Received 28.04.2019. Accepted 04.06.2019.

Abstract: This study features the relationship between the interaction of the individual with reality and the transformation of one's life. The analysis and synthesis of domestic and foreign theoretical concepts allowed the authors to identify two key aspects of interaction with reality, which determine the constructive and destructive vector of life transformations. The development of personality and constructive changes in one's life path are associated with the restructuring of reality on the basis of selective, selective, free choice, balance of openness/closeness and inclusion/distancing. This interaction results in an expansion of capabilities and adaptive resources of the individual. Situations of violation of psychological security and subjective comfort of the personal system, and threats to the Self of the individual distort the interaction with reality through the activation of psychological defense mechanisms. Dysfunctionality and scarcity of psychological defense mechanisms determine the preservation of the current life situation, personality stagnation, or regression and decay. The paper describes the role of socio-cultural factors in the process of distorted perception and interaction with reality. The results can be used for psychological and pedagogical support.

Keywords: distortion of reality, development, regression, decay, stagnation, constructive changes, destructive changes

For citation: Fominykh E. S. Interaction with Reality in the Problems of Transformation of the Life Path of the Individual. *Vestnik Kemerovskogo gosudarstvennogo universiteta*, 2019, 21(2): 451–458. (In Russ.) DOI: https://doi.org/10.21603/2078-8975-2019-21-2-451-458

References

- 1. Freud S. Introduction to psychoanalysis. Moscow: AST, 2018, 608. (In Russ.)
- 2. Elkind D. Eric Erickson and eight stages of human life. Moscow: Kogito-tsentr, 1996, 16. (In Russ.)
- 3. Malkina-Pykh I. G. Victimology. The psychology of the victim's conduct. Moscow: Eksmo, 2010, 864. (In Russ.)
- 4. Rotenberg V. S., Arshavskii V. V. Search activity and adaptation. Moscow: Nauka, 1984, 193. (In Russ.)
- 5. Bateson G. Steps to an ecology of mind: collected essays in anthropology, psychiatry, evolution, and epistemology. Moscow: Smysl, 2000, 476. (In Russ.)
- 6. Winnicott D. The Theory of the Parent-Infant Relationship. *International Journal of Psychoanalysis*, 1960, (41): 585–595.
- 7. Eidemiller E. G., Iustitskis V. V. Family psychology and psychotherapy. Saint-Petersburg: Piter, 2010, 672. (In Russ.)
- 8. Kohut H. The analysis of the self: a systematic approach to the psychoanalytic treatment of the narcissistic personality disorders. Moscow: Kogito-tsentr, 2003, 308. (In Russ.)
- 9. Horney K. The neurotic personality of our time. Moscow: Progress Univers, 1993, 478. (In Russ.)
- 10. Kopteva N. V. Alienation as an alternative to ontological security. *Mir nauki, kultury, obrazovaniia*, 2017, (4): 229–233. (In Russ.)
- 11. Sokolova E. T., Nikolaeva V. V. Personality traits in borderline disorders and somatic diseases. Moscow: SvR-Argus, 1995, 352. (In Russ.)

^a Orenburg State Teacher Training University, 19, Sovetskay St., Orenburg, Russia, 460014

[@] fominyh.yekaterina@yandex.ru

^{ID} https://orcid.org/0000-0003-3733-4381

- 12. Magomed-Eminov M. Sh. Phenomenon of posttraumatic growth. *Vestnik Tiumenskogo gosudarstvennogo universiteta*, 2009, (3): 111–117. (In Russ.)
- 13. Tarabrina N. V., Hazhuev I. S. Post-traumatic stress and the protective-coping behavior among the population living in protracted emergencies. *Experimental Psychology*, 2015, (3): 215–226. (In Russ.)
- 14. Burlakova N. S. Psychodynamics of intergenerational trauma experience transmission in the context of cultural-historical clinical psychology. *Psikhologicheskie issledovaniya*, 2016, 9(45): 11. (In Russ.)
- 15. Maslow A. Motivation and personality. Saint-Petersburg: Piter, 2008, 352. (In Russ.)
- 16. Bern E. *Transactional analysis in psychotherapy: systemic individual and social psychiatry*. Moscow: Akademicheskii proekt: Gaudeamus, 2013, 311. (In Russ.)
- 17. Abramova G. S. Practical psychology. Moscow: Prometei, 2018, 538. (In Russ.)
- 18. Druzhinin V. N. Life options. Saint-Petersburg: Piter, 2010, 156. (In Russ.)
- 19. Vasiliuk F. E. Psychology of experience. Moscow: MGU, 1984, 240. (In Russ.)
- 20. Alperovich V. D. Metaphors in personal life scripts. *Obshchestvo: sotsiologiia, psikhologiia, pedagogika*, 2016 (7): 30–35. (In Russ.)
- 21. Kelly G. Personality theory (theory of personal constructs). Saint-Petersburg: Rech, 2000, 249. (In Russ.)
- 22. James W. The principles of psychology. N.Y.: Dover, 1950, 916.
- 23. Vygotsky L. S. Development of higher mental functions. Moscow: Izd-vo Akad. ped nauk, 1960, 500. (In Russ.)
- 24. Mikhalski A. V. Psychology of the design of the future. Moscow: MPGU, 2014, 289. (In Russ.)
- 25. Klochko V. E. Self-organization in psychological systems: problems of emergence of the mental space of a person (introduction into the transspective analysis). Tomsk: TGU, 2005, 174. (In Russ.)
- 26. Subjective approach in psychology, eds. Zhuravleva A. L., Znakova V. V., Riabikina Z. I., Sergienko E. A. Moscow: IP RAN, 2009, 619. (In Russ.)
- 27. Vlasova O. V. Phenomenological psychiatry and existential analysis: history, philosophers, problems. Moscow: Territoriia budushchego, 2010, 640. (In Russ.)
- 28. Lukianov O. V. Problem of identity formation in the era of social changes. Tomsk: Izd-vo Tom. un-ta, 2008, 212. (In Russ.)
- 29. Nartova-Bochaver S. K. Human sovereign: a psychological study of the subject in his being. Saint-Petersburg: Piter, 2008, 400. (In Russ.)
- 30. Shamshikova O. A., Shamshikova E. O. Narcissistic manifestations of personality as forming continuum of transitional forms of existence "borders I". *Mir nauki, kultury, obrazovaniia*, 2009, 19(7): 265–270. (In Russ.)
- 31. Levi T. S. A technique for diagnosing psychological boundaries of personality. *Voprosy psikhologii*, 2013, (1): 131–146. (In Russ.)
- 32. Shapoval I. A, Fominykh E. S. Self-attitude as a phenomenological field of diagnosis of psychological boundaries of the personality. *Klinicheskaia i spetsialnaia psikhologiia*, 2018, 7(1): 13–27. (In Russ.) DOI: 10.7256/2454-0722.2017.4.24486
- 33. Kondratev M. Iu., Ilin V. A. On the issue of psychological boundary in the context of socio-psychological phenomenon of closeness. *Mir psikhologii*, 2009, (1): 158–165. (In Russ.)
- 34. Freud A. The Ego and the Mechanisms of Defence. London: The Hogarth Press, 1937, 196.
- 35. Sullivan H. S. The interpersonal theory of psychiatry. Moscow: KSP+, 1999, 347. (In Russ.)
- 36. Beck A., Freeman A. Cognitive therapy of personality disorders. Saint-Petersburg: Piter, 2019, 448. (In Russ.)
- 37. Ellis A., Dryden W. Practice of rational-emotional behavioral therapy. Saint-Petersburg: Rech, 2002, 352. (In Russ.)
- 38. Frager R., Fadiman J. Theories, exercises, experiments. Saint-Petersburg: Praim-Evroznak, 2008, 704. (In Russ.)
- 39. Fominykh E. S., Shapoval I. A. Self-attitude as a phenomenological field of diagnosis of psychological boundaries of the personality. *Psikhologiia i psikhotekhnika*, 2017, (4): 23–36. (In Russ.) DOI: 10.17759/cpse.2018070102